

Землянку закончили на рассвете. То был ненастный, дождливый сентябрьский рассвет; в тумане плыли сосны и взгляд не достигал неба. Целый месяц они тайком работали по ночам: с наступлением сумерек немцы не отваживались сходить с дороги, но днем их патрули часто прочесывали лес в поисках немногочисленных партизан, которых голод или отчаяние еще не вынудили отказаться от борьбы. Нора была три метра в глубину и четыре в ширину. В углу они бросили матрас и одеяла; десять мешков картошки, по пятьдесят кило в каждом, выстроились вдоль земляных стен. В одной из этих стен, рядом с матрасом, выдолбили очаг: труба выходила наружу в нескольких метрах от землянки, посреди зарослей. Крыша была прочной: они взяли дверцу бронепоезда, который год назад подорвали партизаны на железнодорожном пути Вильно — Молодечно.

- Не забывай каждый день менять ветки, — сказал врач.
- Не забуду.
- Следи за дымом.
- Хорошо.
- И самое главное: никому ничего не говори.

— Не скажу, — пообещал Янек.

Отец и сын с лопатами в руках любовались своим творением. “Хорошая *kryjówka*¹, — подумал Янек, — за кустами совсем не видно”. Даже Стефек Подгорский, более известный в школе Вильно под кличкой Виннету, благородный вождь апачей (сам Янек в сообществе “краснокожих” носил славное прозвище Верная Рука), даже Виннету не догадался бы о ее существовании.

— Сколько я здесь проживу, папа?

— Недолго. Немцев скоро разобьют.

— Когда?

— Не надо отчаиваться.

— Я не отчаиваюсь. Но хочу знать... Когда?

— Может, через пару месяцев... — Доктор Твардовский посмотрел на сына. — Прячься.

— Хорошо.

— И не простудись. — Он вынул из кармана браунинг. — Смотри. — Он показал, как пользоваться оружием. — Береги его как зеницу ока. В сумке пятьдесят патронов.

— Спасибо.

— А сейчас мне нужно идти. Вернусь завтра. Спрячься хорошенько. Оба твоих брата убиты... Ты — все, что у нас осталось, Верная Рука! — Он улыбнулся. — Набери терпения. Наступит день, и немцы отсюда уйдут... Те, что еще будут живы. Думай о матери... Далеко не отходи. Будь осторожен с людьми.

— Хорошо.

— Будь осторожен с людьми.

Врач растворился в тумане. Взошло солнце, но все вокруг оставалось таким же серым и расплывчатым: пихты по-прежнему плыли сквозь марево, развернув

¹ Землянка (польск.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.

ветви, словно тяжеленные крылья, которые не колышет ни единое дуновение. Янек пробрался сквозь туман и поднял железную дверь. Спустился по лестнице и лег на матрас. В землянке было темно. Он встал и попробовал развести огонь: дрова оказались сырыми. В конце концов ему все-таки удалось их поджечь, он лег и взял большой том “Виннету — краснокожий джентльмен”. Но читать не смог. Глаза сомкнулись, тело и сознание сковала усталость... Он погрузился в глубокий сон.

2

Следующий день он провел в своей норе. Перечитал ту главу книги, где Верной Руке, привязанному к столбу перед казнью, удалось обмануть бдительность краснокожих и бежать. Это было его самое любимое место. Он испек на углях картошки и поел. Труба плохо вытягивала, и вся землянка наполнилась дымом, разъедавшим глаза... Янек не решался выходить. Знал, что снаружи одному будет страшно. А в своем укрытии он чувствовал себя в безопасности.

Доктор Твардовский пришел с наступлением темноты.

— Добрый вечер, Верная Рука.

— Добрый вечер, папа.

— Ты не выходил?

— Нет.

— Тебе не было страшно?

— Мне никогда не страшно.

Доктор печально улыбнулся. Он казался старым и уставшим.

— Мама велела, чтоб ты молился.

Янек подумал о братьях. Мама много за них молилась.

- А зачем молиться?
- Просто так. Делай, как сказала мама.
- Хорошо.

Врач остался с ним на всю ночь. Они почти не спали. Но говорили мало. Янек спросил только:

- А почему ты тоже не спрячешься?
- В Сухарках много больных. Тиф, знаешь ли... Где голод, там и эпидемии. Я должен быть с ними, Верная Рука. Понимаешь?
- Да.

Всю ночь врач поддерживал огонь в очаге. Янек не смыкал глаз, наблюдая, как поленья сначала краснеют, а потом чернеют.

- Ты не спишь, мой мальчик?
- Нет. Папа...
- Да?
- Сколько это будет продолжаться?
- Не знаю. Никто не знает... Ни один человек.

Вдруг он сказал:

- На Волге сейчас великая битва...
- А где это?
- На Волге. Под Сталинградом... Люди сражаются за нас.

- За нас?
- Да. За тебя, и за меня, и за миллионы других людей.

Дрова горели и потрескивали, превращаясь в золу.

- А как называется эта битва?
- Сталинградская. Она длится уже несколько месяцев. И никто не знает, сколько еще она будет продолжаться и кто в ней победит...

Уходя на рассвете, доктор сказал:

- Если с нами что-нибудь случится, с твоей мамой и со мной, ни в коем случае не ходи в Сухарки. Продуктов тебе хватит на несколько месяцев. А когда кон-

чатся и если заскучаешь от одиночества, иди к партизанам...

— А где они?

— Не знаю. Их немного осталось. Прячутся в лесу. Найди их... но ни в коем случае не показывай им землянку. Если станет худо, ты всегда сможешь здесь укрыться.

— Хорошо.

— Но не бойся. Со мной ничего не случится.

Доктор пришел через день. Пробыл недолго.

— Я не могу оставить маму одну.

— Почему?

— В Сухарках убили немецкого унтер-офицера. Они берут заложниц.

— Как краснокожие, — сказал Янек.

— Да. Как краснокожие. — Доктор встал. — Не опускайся... Будь опрятным. Делай, как учила мама.

— Хорошо.

— Не трать спички. Держи рядом с очагом, в сухом месте. Без них умрешь от холода.

— Я все сделаю. Папа...

— Да, малыш?

— Та битва?

— Ничего нового. Трудно сказать, что там сейчас происходит. Мужайся, Верная Рука! До скорого.

— До скорого, папа.

Доктор ушел. И больше не вернулся.

3

В Сухарках уже пять дней квартировала дивизия СС “Дас Рейх”, изрядно потрепанная после нескольких недель на Сталинградском фронте, откуда отеческими заботами фюрера ее наконец-то отозвали.

Дивизия впервые участвовала в боях. Высшее командование с большой неохотой бросило элитное подразделение в смертельную битву; обычно дивизия действовала в тылу, на оккупированных территориях, где ей поручали специальные щекотливые задания, выполнять которые порой претило регулярным частям немецкой армии.

Спустя сутки после вступления дивизии в Сухарки два грузовика СС уже неслись на полной скорости по улицам деревни, утопавшим в серых туманных сумерках. Обнаженные ветви деревьев, колокольни и кровли словно бы сливались с небом в бездымной, безмолвной неподвижности.

Они не встретили почти никакого сопротивления: большинство взрослых мужчин ушли в леса.

Несколько душераздирающих воплей, пара выстрелов, звон разбитого стекла и треск выломанных

дверей — и вот уже грузовики на большой скорости мчатся обратно, увозя два десятка перепуганных молодых женщин в летнюю резиденцию графов Пулацких в трех километрах к югу от Сухарок по дороге в Гродно.

Дивизия “Дас Рейх” уже не раз прибегала на оккупированных территориях к этой военной хитрости, почти всегда приносившей успех. Согласно историческому признанию гауляйтера Коха, который придумал этот изобретательный маневр, он позволял соединить “приятное с полезным” и подтверждал “высокое идеалистическое представление” о человеческой природе¹.

Едва узнав о том, что их дочери, сестры, жены и невесты отданы для утех немецким солдатам, партизаны, несмотря на отчаянные усилия командиров, пытавшихся их удержать, выходили из леса и бросались на помощь женщинам, на что враг и рассчитывал. Оставалось только спокойно покуривать за пулеметом, дожидаясь, пока люди, обезумевшие от отчаяния, сами ринутся в атаку, появившись на линии прицела, где все было готово к их встрече. Этот план повсюду приносил прекрасные результаты, но в отношении поляков, отличавшихся обостренным чувством мужской чести, он был, если можно так выразиться, безошибочным.

Вилла графов Пулацких была построена в конце XIX века французским архитектором, очевидно, под влиянием Трианона. Это был летний дворец — “загородный домик”, как говаривали в ту эпоху, — с гостинными, театром, фресками и деревянными панелями. Во время боев 1939 года он почти не пострадал, но за-

¹ Я узнал, что эти слова в действительности принадлежали другому человеку, но вкладываю их в уста гауляйтера Коха, чтобы сохранить память о нем.

брошенность и мародерство сделали свое дело. Почти все окна были выбиты, и некоторые “пансионерки” пытались вскрыть себе вены осколками стекол; пришлось даже поставить во внутренних помещениях охрану. Там царили холод и сырость, притуплявшие чувства пленниц и делавшие их менее восприимчивыми к испытаниям. Два дня спустя после начала операции “Волк из леса”¹ — под таким обозначением она фигурировала в оперативных шифровках дивизии — семьям удалось подкупить охрану и передать молодым женщинам теплую одежду и одеяла.

Вокруг “загородного домика” простирался французский парк, вплотную примыкавший к лесу. На цементном дне искусственных прудов, откуда торчали ржавые трубы, гнили ветки и палая листва; аллеи окаймляли купидоны, Венеры и полный набор мраморных статуй образца 1900 года. Солдаты денно и нощно стояли на часах в изящных беседках, куда некогда гости графов Пулацких приходили флиртовать, мечтать под луной, любоваться фейерверками или рассеянно смотреть спектакли в зеленом театре, в котором сейчас размещалось пулеметное гнездо.

Эсэсовцы принесли во дворец печь, но угля для обогрева огромных комнат не хватало; немного теплее было только в большой бальной зале, богато украшенной золотисто-голубыми панелями, с потолком, расписанным в манере Тьеполо ангелочками и богинями. Женщины находились в этой зале, куда немцы приходили их выбирать. За первые двое суток здесь побывало около трехсот солдат.

На рассвете второго дня отряд из двенадцати партизан вышел из леса и двинулся через парк цепью, стре-

1 “Волка выгоняет из леса не только голод, но и любовь” (гауляйтер Кох).

ляя на ходу; не нанеся никакого урона врагу, обстрелянные из пулеметов, они потеряли шесть человек и отступили.

После этого случая эсэсовцы, довольные тем, что операция “Волк из леса” в очередной раз удалась, установили в бальной зале печь и привезли полевую кухню, чтобы кормить “пансионерок” горячей пищей.

Белокурая девушка, которой было не больше шестнадцати, с неизменной сигаретой в зубах постоянно переходила от одной женщины к другой и пыталась утешить тех, кто не смирился со своей судьбой и не сумел приспособиться к обстоятельствам. У малышки было худое, бледное лицо, усеянное веснушками, и, несмотря на толстый слой помады на губах и густо напудренные щеки, довольно красивое. Никто никогда не видел ее в Сухарках; она говорила, что солдаты подобрали ее в Вильно; ее родителей убили, и, по ее собственным словам, она “ходила с солдатами” уже год. Девушка носила берет и военную шинель, которая была ей велика; черные шерстяные чулки, державшиеся на резинках, поминутно сползали и скатывались на лодыжки; тогда она подтягивала их, не наклоняясь и по-детски задирая ногу.

Когда у кого-то из женщин начиналась истерика и она принималась рыдать, девушка бросалась к ней, брала ее за руку и умоляла:

— Успокойтесь, прошу вас, это не так страшно, как кажется. Это пустяки. Главное, не думать об этом. Ужасно только, когда мысли в голову лезут.

С особой любовью и нежностью она обращалась к красивой молодой женщине лет тридцати с тронутыми сединой волосами и большими черными глазами, смотрящими в одну точку, как у сумасшедших, — то была жена сухарковского врача, доктора Твардов-

ского. Девочка часто становилась рядом с ней на колени, брала ее за руку, гладила по голове и говорила:

— Послушайте, не надо об этом думать. Не станут же они держать нас здесь все время. Скоро нас выпустят. Все будет хорошо, вот увидите.

Мебели на вилле не было. Женщины спали на соломенных тюфяках, брошенных на пол. На стенах осталось несколько фамильных портретов графов Пулацких, разорванных или пробитых шальными пулями: придворные, одетые в синий шелк, вся грудь в орденках, очень важные, в белых париках, и дамы, увешанные драгоценностями или с кудрявыми собачонками на коленях.

Когда белокурую девушку, которую звали Зося, выбирал какой-нибудь солдат, она старательно тушила сигарету, клала ее на подоконник и поднималась с солдатом наверх. А когда возвращалась, брала свою сигарету и снова закуривала. Она как будто показывала, что ее больше беспокоит сигарета, чем происходившее с ней самой. Она пыталась даже делать вид, будто ничего особенного не случилось и на самом деле все это не имело большого значения.

Заметив среди посетителей офицера, она немедленно подбегала к нему и хнычущим, визгливым голосом начинала осыпать его упреками, требуя угля, больше еды, кипятка, сигарет, мыла. Она цеплялась к нему, как репей, и почти всегда получала что хотела. После этого мгновенно успокаивалась, удовлетворенно улыбалась и сообщала приятную новость подругам.

— С немцами все очень просто. Если хочешь чего-то от них добиться или обратить на себя внимание, нужно сказать: "*Schmutzig, schmutzig*" — это значит "грязно". Грязи они не выносят. С помощью этого слова вы добьетесь от них чего угодно.

В парке напротив леса эсэсовцы поставили три бронемашин, а сами вставали за орудиями и терпеливо дожидались, иногда спускаясь погреться у жаровен. Отряды партизан несколько раз выходили из чащи, и завязывался бой. Почти все они погибали после короткой перестрелки. Но шли снова и снова, часто по трое или четверо, в основном — мужья, отцы или женихи.

На четвертый день у главного входа на виллу появился человек высокого роста, одетый в пальто хорошего покроя, в фетровой шляпе и с теплым платком на шее, в пенсне и с медицинским саквояжем в руке, предъявил постовым документы, которые, видимо, оказались в порядке, и получил разрешение войти в парк. Он проследовал по аллее, медленно поднялся по ступеням дворца, раскрыл саквояж, вытащил оттуда автомат и почти в упор расстрелял солдат, веселившихся на террасе в ожидании своей очереди. Белокурая девушка, которая с удовольствием наблюдала за этой сценой через окно, попивая из солдатского котелка обжигающий чай, рассказала потом остальным, что перед тем как упасть, он здорово потрудился. То был сухарковский врач, человек известный и уважаемый — доктор Твардовский.